

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ ПОЛКОВНИКА СТАРИНОВА

Это одно из последних интервью прославленного ветерана, человека, вошедшего в историю отечественных спецслужб как диверсант номер 1. Ровесник XX века, потомственный крестьянин с Орловщины, крещён был в купели Гражданской войны, сражался в республиканской Испании, воевал в финскую. Великую Отечественную войну, как говорится, прошёл от звонка до звонка. Изобретатель с большой буквы, он дал своё имя целому классу минно-взрывных устройств, подготовил тысячу офицеров.

В 60-е годы к нему пришла слава мемуариста. Любопытнейшая книга воспоминаний «Мины ждут своего часа» завоевала огромную популярность в СССР, дважды переиздавалась в Чехословакии и 200-тысячным тиражом выходила в Югославии. Илья Григорьевич Старинов — один из авторов шеститомной «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945».

А в последние годы интерес к мемуарам Ильи Григорьевича подогрело появление «нефантастической повести-документа» «Ледокол» и повествования «День-М» В. Резуна (литературный псевдоним — В. Суворов). Этот напёрсточник от истории в своём сочинении пытается всю вину за развязывание Второй мировой войны возложить на И.В. Сталина, советскую власть и Красную Армию. К счастью, Илья Григорьевич уже на пороге вечности сумел постоять за себя, за своё поколение, за истину.

Предательство — оружие массового поражения

— Думали ли Вы, Илья Григорьевич, что на сотом году жизни Вам вновь потребуется мастерство сапёра, чтобы обезвреживать бомбу с весьма коварным устройством, которую подлая рука подложила, говоря словами самого Резуна, под «национальные святыни русского народа, под единственную опору общества — память о справедливой войне»?..

— Откровенно говоря, нет. Да разве могли мы, поколение победителей, опасаться за своё будущее, завтрашний день страны Советов, если Горбачёв неустанно повторял: «Больше демократии, больше социализма!»? И, воспользовавшись нашей с вами доверчивостью, беспечностью, сдал недругам и социальные завоевания, и саму страну. В чём ужас предательства? Это оружие массового поражения, на стороне которого неожиданность. Крепость при самом бесстрашном гарнизоне может пасть, если подлость или трусость откроют ворота неприятелю.

— Автор «Ледокола», ссылаясь на Ваши откровения, «разоблачает» ошибки Верховного Главнокомандующего (будем справедливы — Сталин ошибался не всегда), абсолютизирует недостатки и отменяет достоинства общественного строя, бросает тень на нашу трагичную и прекрасную историю.

— Пускается во все тяжкие: фальсифицирует, лжёт, искажает мои воспоминания, домысливает...

— Давайте, Илья Григорьевич, как говорят юристы, восстановим эпизоды в части, вас касающейся. Ведь изменник 15 раз цитирует «Мины ждут своего часа» (М.: Воениздат, 1964). В частности, на страницах 135–136 его пасквиля дана характеристика «главного диверсанта Красной Армии» Старикова. Что в ней соответствовало действи-

тельности, а что привнесено лукавым писателем? (Здесь и далее цитируем книгу В. Суворова «Ледокол. Кто начал Вторую мировую войну?». М.: АСТ, 2000).

«Пусть скромное звание полковника не смутит читателя. Это был полковник особого рода и профессор особых наук. С первых дней войны полковник Старинов будет действовать, имея в кармане предписание наркома обороны маршала С.К. Тимошенко и подчиняясь только ему. Вскоре он займёт пост заместителя главкома партизанского движения по диверсиям, т.е. станет главным диверсантом Красной Армии. Старинов станет лидером гигантской армии советских диверсантов совсем не случайно, у него были на то соответствующие данные и бурная диверсантская биография».

— Один из методов, которым Резун злоупотребляет в своих сочинениях, можно назвать методом смещённого времени. Господин «исследователь» в угоду собственной версии произвольно меняет последовательность событий, поворачивает вспять реку времени, переворачивает детали, стечение обстоятельств возводит в ранг закономерностей.

— Вы совершенно правы. В приведённом отрывке из «Ледокола» ряд неточностей. Во-первых, полковником я стал в 1938 году, а профессором лишь в 1984-м. Маршалу Тимошенко я был лично подчинён с октября 1941-го по первую половину 1942 года, в период боёв на Юго-Западном фронте. Это во-вторых. Должности заместителя главкома партизанского движения по диверсиям в природе не существовало. Накануне войны и с начала боевых действий я служил в Главном военно-инженерном управлении Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА). Это в-третьих...

— Не много ли ошибок для одного абзаца?

— В том же абзаце упоминается фамилия моего водителя Шлегера, немца по национальности. Из этого факта Резун делает далёко идущий вывод. Мол, вторг-

шись в пределы Германии, террорист Старинов будет иметь под рукой водителя-переводчика. Увы, обрусевший немец Шлегер не мог быть толмачом, так как языка своих предков он практически не знал. Немецким и испанским я сам владел достаточно сносно и мог объясняться без посредника. Стало быть, ещё одна ложная посылка об агрессивных планах Красной Армии отмечается.

— К сожалению, среди авторов мемуаров, на которые ссылается «историк» с Темзы, оказалось мало долгожителей...

— Смещая во времени факты и детали моей биографии, Резун создаёт образ эдакого кровожадного маньяка, «профессора преступных наук», которому по сердцу гибель мирных людей. Взяться за оружие нас вынудил агрессор — фашистская Германия. Это неопровержимый, хрестоматийный факт.

— Я обратил внимание на другой способ резуновской подделки лжи под правду. Это намёк. Фальсификатор выстраивает перед читателями череду тенденциозно подобранных фактов и лёгкими, полупрозрачными намёками подводит читателей к очевидному, «единственно возможному выводу»... Схватил «проницательный» читатель такую «наживку-полуправду» и стал невольным единомышленником изменника. Пусть формально, но стал.

— На той же 136-й странице прочтёте обо мне: «Итак, этот матёрый диверсантше появляется 21 июня 1941 года прямо в районе тех самых брестских мостов, которые имеют столь важное значение для обороны советской территории. Какая удача! Стоит этому человеку поработать на мостах пару часов, и тогда в случае германской агрессии нужно будет просто нажать кнопку... Но оборонительные приготовления не интересуют Старинова, как не интересуют всех вышестоящих командиров. Зачем же его отправили на границу? Официально — на учения. Но, прибыв в Брест,

Илья Григорьевич
Старинов

Старинов узнаёт, что учения — это только предлог. Учения отменены (а может быть, и не планировались вовсе). Если не учения и не подготовка обороны, то что же диверсанту такого ранга делать на самой границе?»

— Вот логика фальсификатора. Если полковник инженерных войск командирован в район Бреста, то, надо полагать, оказавшись там, он займётся минированием мостов, по которым могли переправиться на наш берег немецкие танки. А если красноармейцы мосты не заминировали, то, стало быть, сами намеревались пересечь Западный Буг. Следовательно, Красная Армия готовила вторжение.

— Лихо! Только к тем мостам я никакого отношения не мог иметь. Да и в Бресте-то побывал только после победы, в 45-м. О фашистском вторжении я узнал в штабе 4-й армии, дислоцированном в Кобрине. Естественно, учения отменили. Условный противник на наших штабных картах в одночасье превратился в зловещую реальность. И каждый офицер, каждый честный гражданин в тот момент думал, как лучше применить свои знания, опыт и силы, чтобы отвести беду от родного порога. С 26 июня 1941 года я уже возглавлял одну из оперативно-инженерных групп на Западном фронте, прикрывая Московское стратегическое направление.

— А вот следующую ситуацию Резун воспроизводит зеркально, один к одному: *«Глупое создавалось положение. Когда мы соприкасались со слабыми армиями относительно небольших государств, наши границы действительно были на замке. А когда нашим соседом стала фашистская Германия, инженерные оборонительные сооружения вдоль границы оказались заброшенными и частично даже демонтированными» («Мины ждут своего часа». С. 176).*

— Говорят, что полбуханки хлеба — всё хлеб, но полуправда — уже не правда... Слова мои здесь переданы точно, но этот куцый отрывок не объясняет смысла сказанного. Подобное цитирование — попытка прервать говорящего на полуслове. Ответ даёт глава, в которой я рассказал о подготовке СССР в 20-х — начале 30-х годов к партизанской войне.

Эта крупномасштабная акция проводилась по инициативе М.В. Фрунзе. На границах с сопредельными западными государствами были созданы мощные полосы обеспечения, представляющие собой систему инженерных и минно-взрывных заграждений. В западных районах Советского Союза все мосты были подготовлены к взрывам. Команды охраны мостов были обучены подрывным работам и готовы были поднять их на воздух. К концу 1929 года только в Киевском военном округе было подготовлено 60 подрывных команд численностью 1400 человек. Они были снабжены 1640 сложными зарядами, десятками тысяч зажигательных трубок, приводившихся в боевое действие практически мгновенно. На этом угрожаемом направлении сформированы железнодорожные заградительные батальоны, в задачу которых входило полное разрушение крупных железнодорожных узлов в случае отхода...

Советская полоса обеспечения постоянно совершенствовалась. В случае прорыва противником этой системы заграждений и углубления на нашу территорию за спиной агрессора мгновенно открывался партизанский фронт. Таким в общих чертах был план, замысел отражения агрессии извне.

С приращением в 1939—1940 годах территории СССР и перемещением наших западных границ (военно-политические последствия освободительного похода РККА требуют отдельного разговора) прежняя инженерно-заградительная полоса оказалась в тылу. Понятно, что наши усилия в то время были направлены на обустройство и упрочение новых рубежей. Оставшиеся на старой границе укрепрайоны, партизанские базы, оборудование, система коммуникаций приходили в негодность.

Об этом недалёковидном отношении к оборонительным узлам я докладывал вышестоящим командирам и начальникам, но безрезультатно. В высших эшелонах военно-политического руководства возобладавал революционный наступательный порыв: «Бить врага малой кровью на его же территории». Оборонительные варианты защиты Отечества не были в почёте, «оборонцев» в военных кругах презирали...

Оборонец — фигура ущербная

— Поэт-фронтовик Евгений Долматовский в документальной легенде «Зелёная брама» передал состояние умов личного состава РККА предвоенных лет. «Представьте себе политзанятия, — пишет поэт, — ну, скажем, в 1940 году. Политрук или там командир взвода говорит о возможности нападения врага и притом напоминает, что поскольку мы недостаточно вооружены, поскольку вообще, как поётся в песне, «мы мирные люди», то не исключено, что в случае войны придётся отступить на тысячу километров, чтобы оборудовать где-то в глубине страны непреодолимый рубеж, закрепитесь на нём, а потом уже перейти в наступление. Да его бы за сумасшедшего

сочли, а то и хуже — за пораженца! Его бы и слушать не стали...»

— Сама мысль об обороне, пассивной форме борьбы, в предвоенные годы воспринималась как кощунственная. Сценарий настоящей схватки с врагом представлялся таким образом. Короткое приграничное сражение, в котором наша армия остановит агрессора, а затем контратакует и разобьёт его. Первый параграф временного полевого устава РККА 1938 года гласил: «Всякое нападение на социалистическое государство рабочих и крестьян будет отбито всей мощью Вооружённых Сил Советского Союза, с перенесением военных действий на территорию напавшего врага». Псевдоисторик Резун представил планируемый нами контрудар, удар-возмездие, как приготовление к агрессии. Чудовищная ложь! Об обороне предпочитали помалкивать ещё и потому, что общество и армия кровоточили свежими ранами репрессий. Вернувшись из Испании, я не застал в живых многих своих знакомых... Ни один из диверсантов-подпольщиков, которых я готовил к партизанской войне, в живых не был оставлен.

Правда, вынесенные из советско-финской войны горькие уроки заставили руководство РККА пересмотреть отношение и к обороне, и к минно-взрывным заграждениям, инженерным войскам в целом. Но времени для исправления ошибок оставалось крайне мало. Вот почему в столь мизерном количестве в предвоенные годы выпускались мины замедленного действия, радиоуправляемые мины, мины-ловушки и другие. Будем объективны: ни одна из стран, принимавших участие во Второй мировой войне, не избежала ошибок в выборе и выпуске той или иной боевой техники и вооружений.

«ЛЕДОКОЛ» ДАЁТ ТЕЧЬ

— У автора «Ледокола» иное объяснение наших неудач первого периода Великой Отечественной войны. Увлечённая-де тайной подготовкой к броску в Европу, Красная Армия проявила

беспечность. Вот как препарирует Резун фрагмент из Вашей книги «Мины ждут своего часа»: *«Накануне войны никто в Красной Армии не думал о заграждениях, все думали о преодолении заграждений на территории противника. Вот почему под прикрытием сообщения ТАСС от 13 июня на западной границе появились (тайно) советские маршалы и ведущие эксперты по вопросам разграждений. Вот Маршал Советского Союза Г. Кулик (тайно прибывший в Белоруссию) разговаривает с полковником Стариновым, который тогда был начальником отдела заграждений и минирования Главного инженерного управления РККА: «Миноискатели давай, сапёр, тралы давай!».*

А ведь маршал о германской территории говорил: на советской территории уже все мины обезврежены и заграждения сняты. Да и расположение своих мин известно, их можно обезвреживать без миноискателей. Вот что пишет маршал дальше: «Нет, не так назвали ваш отдел, как надо. Надо бы его в соответствии с нашей доктриной назвать отделом разграждения и разминирования. Тогда и думали бы иначе. А то заладили: оборона, оборона... Хватит!»

— И этот фрагмент из книги Резуна свидетельствует о том, что наш оппонент пребывает в плену собственной навязчивой гипотезы: Красная Армия — агрессор, инициатор Второй мировой войны. Думали и об укреплении новой границы, на которой, кстати, ежедневно работали почти 140 тысяч человек.

На советской территории минные поля были сняты лишь в полосе обеспечения укреплённых районов, вдоль старой границы, так как в тылу они представляли опасность для собственных войск. На новых рубежах в силу известного дефицита средств и времени мы не смогли создать нового «минного пояса».

И ещё одна существенная деталь, которой Резун намеренно искажает смысл нашего разговора с маршалом. Наступательная риторика Кулика — не более чем дань нашей предвоенной доктрине, но никак не агрессивность. Земли, соседствовавшие с нами в то время на западе, принадлежали не Германии, а Польше. Оккупированные территории, которые рано или поздно нам (других сил просто не было) пришлось бы освобождать от фашистов.

Ледокол — это громко сказано: плотик, «свитый из сплетен и лжи», — вот на чём дрейфует в водах холодной войны господин перебежчик. Мы с вами подвергли экспертизе маленький участок информационного поля, заминированного злоумышленником, чтобы скрыть от потомков историческую правду. Если рассмотрение частной проблемы — инженерного обеспечения обороны СССР накануне войны с гитлеровской Германией — вскрыло столько искажений действительности, то сколько же всего их на страницах книг Резуна?!

— Оказывается, Илья Григорьевич, внимательное прочтение мемуаров приводит к прямо противоположным выводам, чем те, которые пытался сфабриковать юный власовец Резун. При столкновении с истиной «Ледокол» даёт гибельную течь...

* * *

После публикации в газете «Советская Россия» (1 августа 2000 г.) беседы с почётным чекистом и мемуаристом И. Стариновым мы получили с Ильёй Григорьевичем десятки одобрительных откликов по поводу полемики с автором скандально известного «Ледокола» и «Дня-М» В. Резуном-Суворовым. Актуальность спора пятилетней давности, судя по нашей почте, не исчезла. Напротив, читатели рекомендуют возвращаться к узловым аспектам принципиальной дискуссии с фальсификатором Великой Отечественной войны. Не стану касаться самой почты — она заслуживает отдельного разговора. Но главные идеи, высказанные читателями, перечислю.

«Наше непротivление злу, насаждавшемуся во время «перестройки» зарубежными и доморощенными пасквилянтами, позволило не только ревизовать историю Родины, но и лишить победителей всех завоеваний 45-го года» (А. Парменов, Орловская обл., Ю. Сорокин, г. Омск, В. Оточкин, С.-Петербург).

«Такое впечатление создаётся, что российские издательства, балуя Резуна массовыми тиражами, трудятся под девизом: «Книгу предателя — в каждую семью!» Куда смотрит закон?..» Ветеран оборонного комплекса В.А. Лисенков (Москва).

«Резун, подлая душонка, намеревается въехать на белом, а точнее, на троянском коне в нашу историю. Лёгковерных надо оберегать от тонких психологических ходов этого фальсификатора. Скверно, что и телевидение российское его привечает... Но крупнейшим военным авторитетам и историкам не дают слова...» Так возмущались офицер В. Страхов (Новосибирск) и библиотечарь из Мариуполя Р.Н. Азарова.

«Патриотическая печать определённо должна выступать единым фронтом против предателя», — призывал наших коллег военком из Подмосковья С. Горехов.

«Иудиними сребрениками фальсификатор вдохновлён и социальным заказом реваншистов, — констатирует кандидат философских наук С. Порохин с Урала. — Три кубометра почты от бывших германских солдат и офицеров получил Резун. А поборники исторической правды уж точно получают больше. Не останавливайтесь на достигнутом. Боритесь за истину».

«Борьба с клеветой и есть тот последний и решительный бой, который ведёт поколение Победы в лице И.Г. Старинова с чёрными силами и их подручными типа Резуна, покойного Волкогонова и др. Надо нам продержаться до подхода молодых патриотических сил. Доброго здоровья и долгих лет жизни, дорогие фронтовики!», — откликнулся Б. Халилулаев (г. Хасавюрт).

В письмах из Гомеля и Ростова, Адлера и Старого Оскола незнакомые люди рекомендовали темы выступлений, которые, по их мнению, отражены в отечественной историографии.

Кандидат исторических наук, участник Великой Отечественной войны Н.Ф. Туритов (Москва) предложил приоритетные проблемы для публичного обсуждения:

- «День-М» о мнимой агрессивности РККА;

- Превосходство советской военной школы;
- Преимущества советского строя;
- Состязание экономик воюющих стран;
- Объективное освещение противоборства спецслужб в 1941–1945 гг.

На последнем тезисе фронтовика мне бы хотелось остановиться подробнее. Продолжив тему, увы, уже без Ильи Григорьевича...

Ода «рыцарям удавки и кинжала»

В главах «Почему Сталин не верил Рихарду Зорге» («Ледокол»), «О третьем стратегическом эшелоне» («День-М») «скромный собиратель цитат», как назвал себя Резун, демонизирует чекистов, прикрывавших-де агрессивные планы Советского Союза. А немецкие спецслужбы, по его версии, — наивные жертвы коварной азиатской политики русских. На фоне такой апологетики «рыцарей удавки и кинжала» бледнеют даже мемуары гитлеровских вождей РСХА — Главного имперского управления безопасности. Ни характер задач, ни состав, ни оснащённость спецслужб рейха не свидетельствовали об их оборонительной тактике.

Шеф зарубежной разведки В. Шелленберг в своих мемуарах откровенно рассказал о сути СД и СС, их роли в подготовке и развязывании войны против СССР. «Совещание состоялось в первой половине июня (1941 г. — *Прим. автора*). На нём кроме отдельных специальных докладов были сделаны сообщения, в общих чертах освещавшие оперативные планы войны с Россией... Канарис и Гейдрих затронули специальные вопросы тесного взаимодействия, «чувство локтя» между частями полиции безопасности, СД и так называемыми «охранными частями» военной разведки».

И далее: «Через несколько дней я с Гейдрихом, — вспоминал Шелленберг, — явился на доклад к Гиммлеру. Нужно было обсудить меры по борьбе с русской разведкой».

Не секрет, что руководство Советского Союза часто экономило на внешней

разведке, ограничивая её жёсткими финансовыми рамками. Но «самая недорогая разведка в мире» творила чудеса. Её «секретным оружием» во все времена были люди — кадровые работники, самоотверженные, забывавшие о себе и семьях, отдававшие себя «ненормированной» службе и долгу беззаветно. И эти известные и безымянные разведчики делали всё возможное и невозможное, чтобы советское правительство не оставалось незрячим в самые ответственные периоды войны.

В 1941 году, когда наша разведывательная работа во многих странах только становилась на рельсы военного времени, основную тяжесть по добыче информации несла «легальная» резидентура в Англии. Она состояла всего из четырёх оперативных работников (к 1944 году их стало 12), резидентом был назначен А.В. Горский. Резидентура обеспечила Кремлю доступ к секретным документам военного кабинета Англии, к переписке Черчилля с Рузвельтом и другими главами правительств, министра иностранных дел Идена с послами, к информационным сводкам английской разведки. Среди агентов была знаменитая кембриджская «пятёрка». Очень ценные источники имелись в эмигрантских кругах в Лондоне. Они держали нашу разведку в курсе переговоров Черчилля и Идена с польским эмигрантским правительством, с югославским королём Петром и премьером Шубашичем, чехословацким президентом Бенешем. Подсчитано, что лондонская резидентура в начальный период войны добыла приблизительно 8 тыс. документов по политическим вопросам, 127 — по экономическим, 715 — по военным, 51 — о деятельности разведорганов Англии и других государств.

Начальный период боевых действий на советско-германском фронте проходил при явном преимуществе фашистской разведки. В. Шелленберг отмечал: «Большого успеха мы добились, когда нам удалось подключиться к каналам радиосвязи центрального аппарата русской разведки в Москве. Здесь мы повели широко заду-

манную радиоигру в целях дезинформации противника... Потери, понесённые Советами в людях, времени и средствах, были довольно ощутимыми. Я припоминаю, что в ходе этой радиоигры мы сумели «перевернуть» свыше шестидесяти русских радиостанций».

Результативность этой многоходовой комбинации predeterminedena не только совершенством радиотехники, оперативной дерзостью абвера, но и потерями советских спецслужб, которые они несли ещё до начала Великой Отечественной войны. В 1940 году на закрытом заседании Верховного суда нарком Ежов заявил, что он «почистил 14 тысяч чекистов».

Руководители разведки Берзин, Шпигельглас и другие репрессированы, агентурно-оперативные силы разведуправления Генштаба и Иностранного отдела (ИНО) НКВД понесли большие потери. Потребовалось немало времени, материальных и финансовых затрат, чтобы уже в войну восстанавливать потенциал спецслужб, подорванных сталинской чисткой.

По словам начальника разведки военных лет Павла Михайловича Фитина, «в 30-е годы сложилась обстановка недоверия и подозрительности ко многим чекистам, главным образом руководящим работникам не только центрального аппарата, но и резидентур Иностранного отдела за кордоном. Их обвиняли в измене Родине и подвергали репрессиям... В течение 1938—1939 годов почти все резиденты ИНО за кордоном были отозваны в Москву и многие из них репрессированы».

Десятки агентов остались без связи, им было выражено — пусть и в косвенной форме — политическое недоверие. Поток информации стал заметно иссякать, но и то, что докладывалось, в Кремле воспринималось с недоверием: «дезинформация», «идёте на поводу у буржуазных разведок», «подыгрываете провокаторам войны и троцкистам». В обезлюдевших резидентурах царили неопределённость и тревога, вызов в Москву воспринимался как приговор. Дезориентировала оперработников и самоуверенная позиция Сталина и Молотова: в ближайшие годы войны не будет, гарантия этого — советско-германский пакт о ненападении, «канализовавший» гитлеровскую агрессию на Запад.

И всё-таки, несмотря на постоянную угрозу немотивированной расправы, ослабленная, поредевшая разведка продолжала направлять в Центр объективную информацию. Вот небольшая сводка разведсообщений, направленных в Москву из «легальных» резидентур, только по обстановке в Восточной Пруссии: «9.08.40. Немецкие офицеры и солдаты в Мемеле изучают русский язык, практикуются в русской разговорной речи, особенно по технике допроса военнопленных».

«Август 1940 года. В Восточной Пруссии наблюдается повышенная военная активность, ведётся строительство вспомогательных военных объектов, идёт интенсивный контроль за пассажирами, направляющимися в глубь Германии по железной дороге».

Фронты без флангов

Каким тайным и явным силам противостояли советские чекисты? В годы Великой Отечественной войны против Советского Союза действовало свыше 130 разведывательных, диверсионных и контрразведывательных команд и групп абвера и СД. Более 60 школ вели подготовку шпионов, диверсантов и террористов. Командование ВВС Германии предоставило в распоряжение разведки 200-ю боевую эскадрилью для заброски агентов в тыл Красной Армии.

Немецким руководством были созданы четыре спецгруппы, разделившие между собой фронт по географическому признаку: А — Прибалтика, Б — Смоленск, Москва, В — район Киева, Д — Южная Украина.

В группы включалось 1000–1200 человек, в том числе — 350 эсэсовцев, 150 водителей и механиков, 100 членов гестапо; 80 сотрудников вспомогательной полиции (как правило, набирали на месте), 130 сотрудников полиции порядка, 40–50 работников уголовной полиции и 30–35 сотрудников СД. Плюс переводчики, радисты, телефонисты, управленцы, 10–15 женщин. Руководящий состав — из гестаповцев, СД и уголовной полиции.

В инструкциях, определяющих круг обязанностей этих головорезов, стояли задачи «устранения комиссаров, евреев, партизанских банд». Как управлялись палачи на оккупированных территориях СССР, говорит отчёт генерала СС фон Гонтберга об операции «Контбус»: «...Убито противника — 4500, убито подозреваемых в принадлежности к партизанским бандам — 5000, убито немцев — 59, изъято оружия — 492 винтовки».

Менее 500 трофейных винтовок на 9500 убитых — не о том ли говорит цифра, что эсэсовцы отнесли к «партизанам» всех русских крестьян, встретившихся им на дороге?.. Карательные акции, понятно, проходили под прикрытием вермахта. Немецкая армия снабжала оперативные группы горючим, продовольствием, средствами связи и транспортом. Основными формами подрывной деятельности гитлеровских секретных служб были шпионаж, диверсии и террор, информационная агрессия. Главная цель их атак — подрыв боеспособности РККА. Из общего количества заброшенных на нашу территорию вражеских агентов непосредственно в зону действующей Красной Армии в 41-м направлялось более половины оперативного состава, а в 44-м — свыше 80%.

«Каждая группа насчитывала 25 (или более) человек, — говорил руководитель абвера адмирал В. Канарис. — Во главе этих групп стояли немецкие офицеры. Группы использовали трофейное русское обмундирование, военные грузовики и мотоциклы. Они должны были проникать в советский тыл на глубину 50–300 км перед фронтом наступающих немецких армий, с тем чтобы сообщать по радио результаты своих наблюдений, обращая особое внимание на сбор сведений о русских резервах, о состоянии железных и прочих дорог, а также обо всех мероприятиях, проводимых противником».

Диверсионно-разведывательные группы нарушали управление советскими войсками и органами тыла, убивали командиров и политработников РККА, совершали идеологические диверсии против населения прифронтовой полосы.

Так, во время наступления немцев на Северном Кавказе три группы диверсантов из дивизии «Бранденбург-800», переодетых в форму красноармейцев, проникли в наш тыл. Одна группа взорвала мост в районе Минеральных Вод, мешая отходу советских частей. Другая группа захватила мост в районе Пятигорска и удерживала его до подхода танковой колонны. Третья устроила затор на мосту в Майкопе...

В район нефтепромыслов Грозного был выброшен диверсионный отряд лейтенанта Ленге численностью 25 человек для захвата завода. При спуске на парашютах отряд был обстрелян и свою задачу не выполнил. Часть парашютистов захвачена...

Чекистами и бойцами подразделений НКВД, укомплектованных пограничниками, с начала войны до ноября 1942 года в Грузинской ССР было захвачено 18 фашистских разведывательно-диверсионных групп (91 агент), в Азербайджане — 6 групп (27 агентов), в Дагестане — 7 групп (19 агентов).

Из 19 групп (115 агентов), заброшенных «Цепелином Зюйд» в 1943 году в советский тыл, 15 были ликвидированы раньше, чем они приступили к выполнению своих грязных заданий.

10 тысяч провалов

«Необозримые просторы России, — писал В. Шелленберг, — позволяли нашим агентам месяцами колесить по стране, не обнаруживая себя». Одному агенту, поставившему интересную информацию германскому командованию, даже удалось проследовать с русским военным эшелонном до Владивостока.

В ночь на 3 и 6 мая 1944 года на территорию Жилокасинского района Гурьев-

ской области «Цепелин» выбросил 14 диверсантов во главе с изменником Родины А. Тлеумагамбетовым. Группе поручили ряд диверсий, в том числе взрыв одного из участков нефтепровода Гурьев — Орск. 13 мая опергруппа УНКГБ Гурьевской области с помощью местных жителей организовала преследование диверсантов, а 20 мая с лазутчиками было покончено.

Как вспоминает генерал-майор авиации И.М. Чупров, пограничная авиация за время Великой Отечественной войны осуществила 1572 вылета с общим налётом 2630 часов. Авиаторы неоднократно вылетали для розыска бандитских формирований, проникших в наш тыл, вступали с ними в бой и уничтожали всех до единого! Так, в июле 1943 года на участке одного из погранотрядов Туркменского округа удалось задержать около 300 бандитов.

А всего, по данным В. Коровина, на освобождённой советской территории в 1944 году чекистами было обезврежено свыше 10 тысяч фашистских лазутчиков.

Наши разведчики проникали в борисовскую, гомельскую, каунаскую, полтавскую, смоленскую и другие разведшколы врага, успешно подготовили и провели около 80 широкомасштабных операций. К примеру, в результате радиоигр советской военной контрразведки за вторую половину 1943-го и четыре месяца 1944 года на подставленные чекистами адреса пришли 41 шпион и диверсант, сброшено 2 миномёта, 12 пулемётов, 45 автоматов, 106 винтовок и револьверов, 214 противопехотных мин, 11 радиостанций. У вражеских лазутчиков изъято более 3 млн рублей, большое количество чистых бланков различных фиктивных документов, печатей, штампов.

Если говорить на языке спортивных комментаторов, то в состязаниях спецслужб чекисты одержали убедительную победу. «Информация, добываемая советскими разведчиками в годы Второй мировой войны, — писал шеф ЦРУ А. Даллес, — содействовала военным усилиям Советов и представляла собой такого рода материал, который является предметом мечтаний для разведки любой страны».

К мнению профессионала, хоть он и не принадлежал к числу друзей Советского Союза, стоит прислушаться.

Владимир Давыдов,
главный редактор журнала «Российское образование»,
полковник запаса

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКТ ПО ФИЗИКЕ ДЛЯ БАЗОВОГО УРОВНЯ на основе федерального компонента государственного стандарта среднего (полного) общего образования

Первый учебно-методический комплект по физике, разработанный для базового уровня старшей школы, выходит из печати в издательстве «Илекса» (М., 2005).

Содержание этого учебно-методического комплекта соответствует новому образовательному стандарту среднего (полного) общего образования.

УМК содержит следующие компоненты для 10-го класса:

- учебник (авторы Л.Э. Генденштейн, Ю.И. Дик);
- сборник заданий и самостоятельных работ (авторы Л.А. Кирик, Ю.И. Дик);
- методические материалы для учителя (авторы Л.А. Кирик, Л.Э. Генденштейн, Ю.И. Дик);
- интерактивное приложение на компакт-диске (авторы Л.Э. Генденштейн, Ю.И. Дик, Л.А. Кирик, Н.Г. Сиротенко);
- тетрадь для лабораторных работ (авторы Л.Э. Генденштейн, Л.А. Кирик).

Все компоненты комплекта взаимосвязаны и помогут учителям и учащимся максимально эффективно организовать учебный процесс.

Учебник и сборник заданий получили гриф «Допущено Министерством образования Российской Федерации», а учебник включён в Федеральный перечень на 2005/06 учебный год.

Учебник содержит весь необходимый учебный материал, соответствующий базовому уровню (2 урока в неделю). Большое внимание уделено научному объяснению явлений природы и принци-